

Валерий КУЗНЕЦОВ

ДУША НЕ МОЖЕТ БЕЗ ЛЮБВИ

Валерий Николаевич Кузнецов родился в 1941 году в Оренбурге. Окончил Киевский топографический техникум, Литературный институт им. А.М. Горького. Работал в полевых партиях, журналистом в областной газете «Южный Урал». Поэт, автор нескольких поэтических сборников, книги очерков литературного краеведения «Я посетил места...», редактор-составитель «Оренбург – «Всемирным азиатским странам и землям... ключ и врата». Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной пушкинской премии «Капитанская дочка» (2010), региональной литературной премии им. П.И. Рычкова (2014). Награждён серебряным крестом «За возрождение оренбургского казачества». Живёт в Оренбурге.

Жизнь выбилась из колеи
домашней
На колею стальных дорог,
Чтоб дня грядущего вчерашний
Загородить уже не мог.
И сквозняки степей, и кущи,
И очертанья близких мест
Слились в один быстротекущий,
Один нечаянный разъезд.
Но что бы там ни намелькало
Огнями дальних городов,
Она со мной, польнь Урала —
Трава скитаний и трудов.
На обожжённых склонах лета
Родных небес впитала синь,
Она бледнеет до рассвета
И поит свежестью, польнь...
Она горчит извечно новой
В чертах изученных лица
Приметой родины суровой,
Невыразимой до конца.

НА СТЕПНОМ РАЗЪЕЗДЕ

Глухой разъезд. Весенняя пора.
Дымится путь,
 что был вчера завьюжен,
Двоится сад в прозрачно-жёлтых
 лужах...

Куриный бред со всех концов
 двора...

Какая даль!
 Как сердцу не забыться,
 Как не смешать с весенней
 явью сон!

На горизонте — медленные птицы,
Громадные... с походкою ворон...
Свет, всюду свет!

 Душа в тиши устала,
И целый день в немую даль
 защит,

Пока на миг обвальный гул
 состава,

Как сон во сне,
 твой слух не оглушит.

1970-е

ЯНВАРЬ 1945-ГО

Казачье предместье.
 Рассвет
Сочится в закрытые ставни...
Ты мальчик,
 ты юный, недавний —
Тебе ещё возраста нет.
Но есть за ночь выпавший снег,
Есть клён посреди палисада,
Есть мама.

 Другого не надо,
Не знает мальчишеский век!..
Белей госпитальных бинтов
Сугробы январского снега,
Как будто он вовсе не с неба —

Из детских и розовых снов.
Ты мальчик, и нос не дорос
До поздних военных метафор,
И всё же, мой будущий автор,
Ты жил в эту зиму всерьёз.
Выходит, смогли осветить
Январь

 голубые сугробы —
Теперь, через годы, попробуй
Нечаянно это забыть!..

Они растворились в крови:
И солнце,

 и скудные чащи,
И сводки «Последнего часа»,
Как голос Отчизны:
— Живи!

1970-е

ВЕСЕННЕЕ

Что кому отмерено:
Радость ли,
 печаль —
Всё ручьями времени
Устремилось вдаль!
Ты гуляй, весенняя
Сила через край!
Что зимой посеяно,
Солнцем убирай!
Радость без названия —
Не припомнишь, где...
Тень воспоминания
Бликов на воде!

1970-е

Дикий ветер над стенами дома,
Над степною весенней землёй.
Неизвестности сладкой истома,
Разжимаясь, летит надо мной.

Что за сила в ночном
 исступленьем,
 В мокром запахе снега и трав!
 Стонут балки, и рвутся
 крепленья,
 Жду чего-то, всю волю собрав...
 И душа непонятным объята,
 Позабыты бывшего следы,
 Словно всё, что в ней было
 когда-то,
 Напряглось в ожиданье беды.
 Этот ветер нелёгкой свободы,
 Дикий ветер, сметающий смерть.
 И страшусь я его непогоды,
 И влекусь я в его круговерть!

4 апреля 1971 г.

ПОСЛАНИЕ ДРУГУ

Владимиру Леоновичу

Я пишу тебе в Николу,
 Где не только учишь ты —
 Ты и сам проходишь школу
 Той последней простоты.
 Так близка мне эта доля —
 Плещет память через край:
 Жил в Николе тихий Коля.
 Коля, Коля... Николай...
 Как по всей России сёла,
 По сердечной простоте
 Эти древние Николы
 Светят в снежной темноте.
 На ветрах безумий века,
 Посреди его гримас
 Чудный пламень человека
 В русских далях не угас.
 И родной свободой дышит,
 Тёмной силой не смущён,
 Летописец пишет,
 пишет,

Пишет всё, что видит он...
 Славен бедами своими,
 Лучшей доли не зови.
 Так непросто жить
 во имя
 Человеческой любви!
 Бедным даром будь доволен —
 У тебя-то ведь добра,
 Кроме родины да воли, —
 Ни кола и ни двора.

1972

И вечереет, а — светает
 Над всей землёй,
 над всей водой —
 Как будто дым кизячный тает
 Рекой молочно-голубой.
 Свет всею поймой верховодит,
 И в осиянном далеке
 Плывут века, и половодья,
 И хлопя пены по реке.
 Весна моя! Твоей любовью
 Душа всегда была полна.
 Зачем такую плещет болью
 С верховьев мутная волна?
 Боль мимолётна и случайна —
 Ведь над водой небесный свет,
 Которого без вешней тайны
 В природе не было и нет.

*16 апреля 1973 г.
 с. Богатое, р. Самара*

*...По бесфонарной улице,
 В конце которой лес.*

Глеб Горбовский

Вот избы деревянные,
 Наличники в смоле —
 Края обетованные
 В безлесной стороне!

И сердце разволнуется
И станет ждать чудес,
Когда пройдёшься улицей,
В конце которой лес.
В конце которой кочеты
В зарю загомят,
И — хочешь
иль не хочешь ты —
Зарёй заполонят.

Поманят дали чистые
Под свой зелёный кров,
Когда дымки смолистые
Потянут со дворов.
Здесь время начинается —
Его река полна.
И дни летят, срываются
Песчинками со дна.
За всё оно расплатится, —
И унесёт река
Тебя в открытом платице,
И бор, и облака;
Песок, поляны с шишками —
Нехитрый весь улов,
Где солнечными вспышками
День гаснет меж стволов;
И где вдали, за соснами —
Так слышно по ночам —
Составы тяжкой поступью
Проходят, грохоча.

1973

Как после дождика смолист
Рассвет...
И нет ни в чём обузы.
Вот шевельнулся сонный лист —
Не вынес дождевого груза.
Сильнее молодого сна
Петуший гам разноголосый.
Смотри: уже поделена
Дорога тенями от сосен!

Пусть в дебри заведёт свои,
В сверканье струй, цветов
и листьев,
Где обучают соловьи
Волнению и бескорыстью...
Душа не может без любви!
Освободи её от хлада
Минувших лет —
и так живи.
И больше ничего не надо.

1977

ОСИНА

Так зябко поводишь плечом
Июльской порой голубою.
Да что же такое с тобою:
О чём ты, осина, о чём?
Но дрожи не в силах унять —
Прозрачна и полуодета —
Она всё лепечет про это...
Про что —
никому не понять.

13 марта 1977 г.

ПОСЛЕДНИЙ МЕДВЕДЬ

Григорию Коновалову

Я — медведь,
Я — лобастый и сумрачный зверь.
Я — хозяин
последней в тайге глухомани.
Позади череда
невозвратных потерь, —
Доверяюсь тому,
что уже не обманет.
Я несу, как преданье,
своё естество,

Я бегу
от людского
лукавого глаза,
Я рычу на собратьев,
продавших родство
За остатки варенья на свалках
турбазных...
Их понятливость лисья
и страх — не по мне.

Я уйду
и старинную вспомню науку:
Поиграю себе
на расщепленном пне —
И упьюсь дребезжаньем
пронзительных звуков.
Эти чащи — мои!
И свобода — моя!
Для меня здесь рассыпан
туман голубики,

Для меня
веселится на гальке струя
И мелькают
от солнца слепящие блики!..
А для гостя с винтовкой —
Мой рык громовой
И, как чёрная молнья,
Когтистая лапа, —
Пусть тропа разукрасится
Кровью живой,
Пусть качнётся листок,
тёмной влагой закапан!..

Но я чувю,
Я знаю,
Что близок мой час, —
Не о том ли
болтливая кукша* стрекочет!
Как мне хочется жить!
Как вся жизнь против нас!
Как упрямое сердце
Сдаваться не хочет!

Да что же это было,
Что как подарок мне —
Былинки чернобыла
На снежной целине?..
Кизячный запах дыма
С простором заодно.
Всё так неуловимо
И родиной полно!

1980-е

ИЗ АЙДАРА ХАЛИМА ОБРАЗЫ ГРОЗЫ (с татарского)

Под камчой разрядов тучи —
кони ржут наперебой.
И над гривами мелькает
молний гребень огневой.
Как цвета смешались в небе!
Чёрный входит в голубой,
А в коричневый — зелёный.
Всё кипит над головой!
Дети мы, и в жажде чуда
мы с природою слились!
Мы — она, иное тело
лишь у нас, иная мысль!
Ветра вздох! И листьев трепет:
день от обморока встал —
В завязь жизни всё на свете
под древесный шум связал.
И на завязь эту капли —
всё порывистей легли.
Вздохов нет, есть только сила,
только музыка земли!

1977

1980-е

* Кукша — сойка (сиб.)

ЖЕНА ПУШКИНА

Пускай иной архивный малый
Бумаг нечистою тоской
Пылит, —
Но хроники скандалов
Молчат о Пушкиной — Ланской.
Да, с новым мужем,
новым другом —

Навечно Пушкина жена —
Большой семьи надёжным
кругом

От нечисти ограждена.
Всё, для чего на белом свете
Имело смысл ещё скорбеть,
Слилось в едином слове: дети...
Их воспитать, обуять, одеть...
Наследница знобящей славы
Обид хлебнула без числа,
Но как покорно-величаво
Свой крест по жизни пронесла!

Ушла, не уронив завета
И тайны для двоих забрав,
Оставя памятник поэту
В душе
и на Святых Горах.

1980-е

Геодезисту Николаю Соколову

Меня разбудили гусиные стаи:
Сквозь щели в палатку сочился
рассвет.

Не знаю,
не знаю,
не знаю,
не знаю,
На сколько всё это
продолжится лет.

Но знаю,
на дальней одной параллели,
Где сонные нас ожидали века,
Наш след стерегут заполярные
ели
В колючем сиянье снегов
Оленька.

Но знаю,
живут в заповедной тетрадке
Ручьи в тальниках,
Вешний холод и чад,
И гуси,
крылом задевая палатку,
Сквозь вёсны летят,
и кричат,
и кричат...

12 февраля 1982 г.

Говорил цикорий повиликке:
— Ты меня покрепче обними-ка!
Видно, заповедано судьбою
Не расстаться до конца с тобою.
На заре

в пылающем июле,
Помнишь,
как друг к другу мы прильнули?
Оплела твоя степная сила —
Той любовью солнце заслонила.
А теперь далёко-далеко ли
Эта юность наша,

эта воля!
Без твоей опоры ли, без тени
У меня подломятся колени.
Что гадать: стерпелись ли,
слюбились —
Две судьбы в одну соединились.
Хоть и знаю: гибельны объятья,
Только так ещё могу дышать я.

1982 г.

КАК СОЛНЦЕ И ЛУНА

Как солнце и луна, спешим мы
друг за другом,
Меж звёздных облаков мой
повторяешь путь,
И связаны с тобой тем
вековечным кругом,
И лишь глаза в глаза друг другу
не взглянуть.
Свободна и сильна,
ты на вершине ночи
Струишь томящий свет,
немыслимый при мне,
И сладок морок твой,
и радость тем короче,
Чем ближе мой восход
в рассветной тишине...
Но выпадают дни, и медлит
бледный очерк,
Не в силах разорвать моих
лучистых уз, —
Белея, брезжит он, — как будто
впрямь не хочет
Нарушить хоть на миг
наш призрачный союз.

2 августа 1984 г.

ЕЩЁ ЛЮБЛЮ

Владиславу Тетерину

В душе, как на листе фотобумаги,
Ты, время, проявляешь
без конца
Житейские дороги и овраги,
Черты Вселенной и черты лица.
Направленной на мир живой
антенной
Добро и зло, как свет и тень,
ловлю.

Пусть с веком я старею
постепенно,
Но я живу — живу, пока люблю...
Люблю всегда ночные
половодья —
За то, что, слава Богу, не пойму,
Когда они в весенний сад
заходят,
Когда подходят к сердцу моему...
Ещё люблю среди сосен
подышать я,
Где на земле, опрятной от хвои,
Не суетясь, живут себе,
как братья,
Кузнечики и муравьи.
Своей тропой шагаю понемногу —
Со всех сторон —
и стук, и свист, и щёлк.
Поосторожней надо ставить ногу:
Наступишь на кого-нибудь ещё!..
И ты, мой друг...
Твоя навечно ноша,
Ты добротой светел и во мгле.
Люблю тебя,
Мой честный, мой хороший,
За трудный крест на сумрачной
земле.

1980-е

В ЗЕЛЁНОЙ МГЛЕ

Небо голубое,
Светлая вода.
На душе такое
Будет ли всегда?..
Облачко растает,
Сядь и помолчи.
Видишь, как летают
Чёрные грачи?
В роще половодной
Музыкой возник

Громкий и свободный
Лягушачий крик!
Ветра наваждение...
И в зелёной мгле
Чувствую рождение
Жизни на земле.

1980-е

НАДПИСЬ НА СОЛДАТСКОМ КОТЕЛКЕ

*По мотивам надписи на сол-
датском котелке фронтовика
Зайцева.*

*Кувандыкский краеведческий
музей Оренбургской области*

Ты был на Кубани со мной
и в Крыму,
В горах и долинах Европы —
И ты закопился в походном
дыму,
Помялся в атаках, в окопах.
Все годы войны неразлучно
со мной
Прошёл ты сквозь стены
пожарищ.
Поил ты солдата живую водой,
Мой спутник,
Мой верный товарищ!
И я не счищаю нагар
фронтной —
Твою биографию боя...
Побудь напоследок, товарищ,
со мной,
Побудь напоследок со мною.

1984

РАБОТА

В моём саду весь день снуют
скворцы —
Нелёгкая досталась им забота:
Чуть свет уже спешат во все
концы —
Вершится бесконечная работа!
За кругом обегают новый круг,
Волнуются, страдают
от промашек,
Но чёрный веер вспыхивает
вдруг —
Держи, птенец, личинок
и букашек!..
И стыдно мне, что мужеством
добра
Я с птахами поспорить не умею.
А мысль новорождённая с утра
Зовёт:
«Взрасти! Ты так меня лелеял!
Ты отдал мне в один-единный миг
Все лучшие и помыслы,
и чувства.
Тоскуй о совершенстве!
Подними
Огонь души до пламени
искусства!..»
И, строчкою измучен наконец,
Я в сад иду —
Там в солнечной оправе
Без усталости работает скворец,
Не думая о долге и о славе.

Май, 1985

ОРЕНБУРГУ

Если вдруг встречу беду
Или друзей пересуд,
Я к реке моей не иду —
Ноги сами несут.

За бульваром — красный обрыв,
Подо мною в дымке леса.
И стою здесь,
Душу раскрыв,
Ветра слушаю голоса.
Словно время само, Урал
Катит воды, простором обняв:
Не вернёт ли, что я потерял?
Может, скажет, где я не прав.
Всю-то жизнь увижу до дна
И задумаюсь о судьбе.
Половина света видна,
Остальную ищу в себе...
А картина с детства проста,
И знаком до дерева вид,
Но река от моста до моста
Будто тайну какую хранит.
Словно здесь запрятан ларец
С тою хрупкой иглой-судьбой.
Будет плохо реке —
И конец:
Что-то страшное станет со мной.

1986

ЛЕСНОЙ ПОКОС В ИЮЛЕ 86-ГО

Дрогнут ромашек головки,
Охнут дыханьем одним —
С блеском коротким литовки
Соком текут травяным!
Сколько навеяно истин:
Лиственный шелест с утра,
И на траве, и на листьях
Солнца живая игра!..
Вечер накопит усталость,
Крикнешь:
— Хорош! Не могу!
Где мои силы — остались
В сложенном за день стогу!

Стог завершает вилами
Дед, по-солдатски прямой.
Пахнет лесными клопами,
Горькой осиною, ветрами,
Вянущей душно травой...
Господи,
Как хорошо-то:
Броситься навзничь в траву,
Словно бы в бездну полёта
Или как в сон наяву!
Копны цепочкою длинной —
Сладко смотреть меж копён,
Видеть, как в дымку долины
Падает, падает склон...
Словно весь мир, как когда-то,
Грезит, согласный с тобой,
И небеса не чреваты
Невыразимой бедой.

1986

ПРОЩАНИЕ СО СТЕПЬЮ

Ветер подует — и мигом
Жадно поймаю лицом.
Точно раскрытая книга,
Тот полынок с чабрецом.
Вот и горячее солнце
В свой неизбывный зенит
Снова, как встарь, вознесётся,
Зноем своим опалит...
Жизнь, ты зачем оглянулась? —
Вся-то распахана новь!
Степь исчезает как юность,
Молодость. И как любовь.
Стала лишь памятью, тенью,
Маревом дальним дрожит
Да в полосе отчужденья
С поездом рядом бежит.

28 августа 1987 г.

ЧЕРЁМУХА ЦВЕТЁТ

Холода. Черёмуха цветёт.
И душа моя, подобно маю,
Белыми цветами замирая,
Словно бы ещё чего-то ждёт.
И восторг, и боль — сильнее нет.
Белизна ли савана с фатою,
Майский цвет уносится
с водою —

Кажется: уходит белый свет!
Так порой купальщиц у реки
Обжигают ключевые воды...
У черёмухи озноб свободы —
Вздрагивают смертно лепестки.

1987

Вот родина моя.

С.Т. Аксаков

В моём краю с утра и до утра
Бушуют казахстанские ветра.
Они ревут — что стоит им
сорваться!
Они свистят — что может быть
сильней?
Они несутся с яростью
сарматской
По всем просторам пашен
и полей!
Гонимые по этой дикой воле,
Как зайцы,
Скачут перекасти-поле...
Сама стихия ветра здесь живёт,
Здесь тучи рыщут конницей
Мамая,
Столбами смерчи пыльные
вздывая, —
И так из века в век,
Из года в год!..
Трещать в мороз,
В жару сгорать от зноя,

Копить пласты наречий и имён,
Служить в веках трубою

вытяжную

Степных пространств
И кочевых племён! —
Вот родина моя...

1987

ОЛЕНЁК. ЛЕДОХОД. МАЙ, 1962

Геодезисту Николаю Соколову

Трещит костёр на берегу,
Он ягель вытаял в снегу,
Трезвонит закоптелый чайник...
Мест поискать таких глухих,
Со мной два спутника моих,
Они меня зовут «начальник».
Костёр на сотни вёрст один,
Лишь треск и шорох серых
льдин —
Реки проснулся грозный голос!
Лежим на шкурах —
их не счесть —
Лосиные, гремят, как жезль,
И всюду — жёсткий белый
волос!
Плывёт в распадок лёгкий дым,
И с дымом горько-молодым
Все звуки незнакомо сладки...
Пьянит весны хмельной замес,
И солнце плавится с небес,
Слепит сквозь полотно палатки!
Гусиный зов издалека...
А радость ходит, как река, —
Выплёскиваясь ненароком;
Вместить её душе невмочь —
Всю ночь не спится, и всю ночь
Река волнуется под боком!

1987

Землю, такую желанную,
Я не хочу покидать!..
Пусть же в последнем сожжении
Сможет осенняя стать
Ясенем Преображения —
Светом любви отсиять!

19 августа 2000 г.
Преображение Господне

ИДЁТ ПОДЁНКА*

Парною полночью светла
И фантастична, как позёмка,
По-над водой метёт метла —
По всей реке идёт подёнка!..
Бросает материнский ил
И вылетает на закате, —
И роем эфемерных крыл
Шумит река на перекате!
Как страсть подёнки горяча!
Как тьме родительской не верит,
Когда спящих два луча
Другой высвечивают берег!
В лучах — призыв,
 в лучах — привет,
И, слепо верящие в это,
Летят на вероломный свет
Ещё не видевшие света!
И упираются в предел,
Чтоб никогда уже — оттуда.
И долгим содроганьем тел
Кипит сверкающая гряда!..
Водитель наш, лукавый бог,
Хохочет, радуясь удаче
(Он пьян с утра):
 — Улов неплох!
Теперь на славу порыбачим!..

2000-е

* Подёнка — эфемерное насекомое (метелица, метла) с прозрачными крыльями, живущее около одного дня. Обитает в реках средней и южной полос России. Подёнкой охотно питается рыба

НА ПУШКИНСКОМ СТОЛЕТИИ

*Памяти Веры Александровны
Нащокиной (1811- 1900), вдовы
доверенного друга Александра
Пушкина — Павла Воиновича
Нащокина, последней пушкинской
современницы, почётной гостьи
пушкинских торжеств в Москов-
ском университете*

26 мая 1899 года

Былинкою дрожит —
 из тех легенд, оттуда...
И явью жизни той трепещет
 каждый жест!
О, только б передать
 неизъяснимость чуда,
О, только б пережить волнения
 торжеств!..
«Ах, Пушкин, Боже мой!» —
И вздрогнула, как птица,
И бремя дней её покрыла тень
 разлук.
Всё это было с ней!
 Ведь не могли присниться
Беседы до утра и красный
 архалук*!..
Да, дружбою своей её оваял
 гений,
И дружбой той цветёт —
 и ветхостью мила...
На празднике одна средь шума
 поколений:
«Мне совестно, мой друг, —
 я всех пережила!»
Он снова здесь, в Москве —
Днём обернулась полночь,
От скуки прошлых дней
 минуты ни одной —

* Архалук — халат

Всё тенором своим:
«Ах, милый друг! Ах, Войныч!
Как рад, что я у вас!
Я здесь в семье родной!»...
И льётся в зале свет
невиданной сирени,
И души вдруг собрал
тот небывалый свет,
И Слово в зале — Бог,
И солнце в зале — гений,
И времени здесь нет,
и увяданья нет!..

И жизнь свои опять настраивала
струны,
Готовые звучать, как прежде,
Только тронь.
И Пушкин хохотал раскатисто
и юно,
И руку целовал,
Как только он:
В ладонь.

Июнь 2015 г.

*Сердечно поздравляем
Валерия Николаевича Кузнецова,
поэта, литературоведа, многолетнего
члена редколлегии журнала «Гостинный
Дворъ» с 80-летием, желаем крепкого здоровья
и творческого долголетия!*